

ОТ РЕДАКТОРА

Идея этой книги родилась задолго до специальной военной операции. Автор приступил к работе вскоре после терактов 11 сентября, когда началась официальная отмена пропагандируемых Западом «прав и свобод», а заканчивал в пандемию, когда этот процесс вошёл в завершающую стадию.

Стало ясно, как день: всё, что декларирует коллективный Запад, все его толерантности, «заботы о человечестве», легко отменяются, если есть какая-то цель. А она может быть любая. Например, заставить подчиниться «новому мировому порядку» – когда так называемые «западные ценности» становятся правилом для всех без исключения, не терпят никаких возражений и превращаются в условие существования на Земле. Несогласных не предусмотрено. Но они – были и есть.

В воздухе запахло порохом, и было понятно, что вот-вот произойдет взрыв. Появлялись всё новые и новые факты и тенденции, свидетельствующие об обострении и приближающейся кульминации противостояния двух принципиально непохожих друг друга цивилизаций. Кто-то должен был взять на себя великую и благородную миссию – поднять восстание против наглой и беззастенчивой либеральной диктатуры Запада во главе с США. И мало кто сомневался, что это будет именно Россия...

Сейчас у многих возникают одни и те же вопросы: как? почему? И главный – зачем?

Ответы – в новой книге писателя и журналиста Михаила Еромолаева «Страсти Запада и мы». Это попытка систематизировать всё, что было сказано об опасностях западного влияния на Россию за последние век-полтора плюс авторская оценка явления (с использованием уникального профессионального опыта в сферах журналистики, филологии, искусства, философии, религии, экономики).

«Страсти Запада и мы» даёт свежее знание о предмете, который, возможно, и до прочтения был неплохо изучен. Заставляет задуматься, поразмышлять. Где-то поспорить с автором, может быть, даже покритиковать. Но и безусловно – восхититься: многогранностью исследовательского подхода, масштабностью проделанной работы. Необычным взглядом на проблему: замусоленная бесчисленными политиками, чиновниками, экономистами, СМИ, аналитиками, политологами и блогерами тема Россия–Запад подаётся в принципиально ином ракурсе.

Жанр – философская публицистика. Явления и тенденции подвергаются анализу не только традиционно (с точки зрения пользы или вреда человеческому естеству, семье, обществу, государству), но и с точки зрения духовной, без чего, на взгляд автора, невозможно воссоздать полную картину происходящего. И с этим нельзя не согласиться. Манипуляции сознанием – главное оружие современной цивилизации. Поэтому исследование так называемого внутреннего человека в наше время безусловно выходит на первый план.

Автор выделяет целый ряд негативных тенденций (страстей), навязываемых или уже заимствованных нами у Запада (от только народившихся и пока неоперившихся до глубоко пустивших корни) и как бы препарировывает их, раскладывает на составляющие. Наглядно демонстрируя особенности влияния каждой на целостность отдельной личности и народ. А также рисует трагические последствия невнимания к такому развитию событий (со стороны как самого человека, так и властей), опираясь в том числе на западный антиопыт.

Аргументация подобрана небанально: М. Ермолаев основывается на суждениях часто идеологических противников, людей разных взглядов, социальных слоёв, государств и времён. Видимо, затем, чтобы подчеркнуть возможность совпадения в ключевом вопросе – защиты национальных интересов, целостности страны, самосохранения, противостояния Злу.

В книге его олицетворяет Запад. Название: «Страсти Запада и мы» – суть антитеза, Зло и Добро. Но не восхваление себя, любимых, не хвастовство, не осуждение (автор это специально подчер-

кивает), а именно противопоставление цивилизаций с разными мировоззрением и задачами. И, что естественно, предупреждение, предостережение: нам с НИМИ такими не по пути. Какими ТАКИМИ? Этому главным образом и посвящена книга. Чтобы знали. Научились сопротивляться. Дистанцировались, насколько это возможно. И, конечно, двигались вперёд, но СВОЕЙ дорогой. Что для этого нужно? Читать внимательно заключительную часть каждой из глав (везде одно и то же название-подсказка – «Мы», не запутаешься). Запомнить. И действовать.

«Страсти Запада и мы» – книга более чем своевременная и полезная. Противостояние между коллективным Западом и коллективной Россией (к нам примкнули все, кто также против гегемонии Зла), похоже, вступило в решающую фазу. Война идёт не на жизнь, а на смерть. И важно чётко понимать, ради чего.

Стася Жданова

ВСТУПЛЕНИЕ

Наш мир меняется так бурно, что всё острее встаёт вопрос: куда мы несёмся, точно ли нам туда? Мы построили цивилизацию, где судьбы добрых людей вершатся недобрыми. Где возможность влиять на других досталась тем, у кого на это меньше всего морального права: богатые люди не самые справедливые, надув другого, я не стану человеком возвышенной души. Мы построили цивилизацию, где безбожно прожирающие «плоды трудов праведных» размышляют о том, смогут ли они прокормить тех, кто реально производит продукты питания, и не пора ли сокращать их численность. Цивилизацию, где одни умирают от безделья, а другие – от отсутствия питьевой воды, где «все усилия человеческого ума направляются не на то, чтобы облегчить труд трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующих» (Лев Толстой. Трудолюбие, или торжество земледельца). Писатель полагал, что как люди постепенно улучшаются, и даже достигнув власти, могут прийти к выводу о её тщетности, так и народы, по сравнению с дикими племенами, уничтожавшими друг друга, теперь становятся более гуманными. Наше время показало, что дикие племена никуда не делись, только боевую раскраску они сменили на фальшивые улыбки. Тех, кто, пользуясь крепостью своих кулаков, нападает на старушку и отбирает у неё пенсию, мы без всякой толерантности называем негодяями – почему же тех, кто, изощрившись в политических и военных подлостях, обирает целые народы, мы называем цивилизованными? Именно их управление миром стало самым диким в истории человечества: в спровоцированных и проплаченных ими бойнях люди гибнут уже не сотнями и тысячами, как раньше, а миллионами. «Я спрашивал себя, – пишет бывший профессиональный «экономический киллер» Джон Перкинс, – в каком мире довелось бы нам жить, если бы Соединенные Штаты и их союзники обратили все деньги, по-

траченные на колониальные войны, подобные вьетнамской, на борьбу с мировым голодом, на распространение образования и основ здравоохранения, доступных для всех, включая наших собственных граждан». (Исповедь экономического киллера).

Что за сила стоит во главе всего этого мирового безобразия? Известный ведущий Познер, если кто-то заговаривал о неких тайных правителях, всегда спрашивал: кто конкретно имеется в виду? Мол, назовите фамилии и должности согласно штатному расписанию – или не мудрите. Конечно, это ловушка: при любом ответе вы будете выглядеть параноиком, даже если в ваших рассуждениях есть правда. Мы не можем уверенно утверждать, сговорились ли эти «некие», какой секретный документ сочинили и какой кровью скрепили, красной или голубой. Однако глумление не снимает вопроса, а уход от темы не снижает опасности. Кто эти загадочные властители, то ли настолько подлые, то ли настолько глупые, что, имея все возможности, не хотят или не могут решить элементарные проблемы планеты, а только усугубляют их? Закулисье? Рептилоиды, аннунаки, инопланетяне? Некто, кого нельзя называть? Задавая себе этот вопрос, мы, как правило, или повторяем расхожие «конспирологические» формулы, или запутываемся, как герой «Маятника Фуко», поскольку сами не являемся ни закулисниками, ни рептилоидами, то есть «свечку не держали». А может быть, стоит рассматривать эту тайную власть не столько как сборище людей, сколько сборище сущностей? Мир наполнился принципами, а точнее, комплексами популярного ныне капитализма: вежливо улыбайся, имитируй заботу и всё время думай, как бы сманипулировать и надуть; забудь о взаимодействии и солидарности, борись до конца; помни о главном – о себе; всеми способами разрушай поднимающего голову конкурента, нужно толкнуть – толкни, некуда развиваться твоей цивилизации – захватывай чужие ресурсы и рынки сбыта, провоцируй войны. Такой тип человеческих и общественных отношений существует под именем Запад.

Каким бы убедительным ни было определение этой сущности, мы будем вынуждены давать его снова и снова. Вроде бы Запад – это территория, географическое пространство, но границы его

крайне размыты. Вроде бы это похожие друг на друга страны, но ведь по сравнению с Америкой даже Европа часто смотрится как интеллигент рядом со шпаной. Вроде бы это набор наций, активно занятых взаимовлиянием и взаимообогащением. Но какие это нации? Хорошая треть силиконовой долины русскоязычная; половина Европы православные славяне, китайцы, арабы, ментальность которых вряд ли можно определить как западную. «В духовном смысле явно относятся к Европе английские доминионы, Соединенные Штаты и т. д., но не эскимосы и индейцы, показываемые на ярмарках, и не кочующие по Европе цыгане. Очевидно, здесь под именем Европы понимается единство духовной жизни, деятельности, творчества со всеми целями, интересами, заботами, усилиями, целевыми институтами и организациями». (Эдмунд Гуссерль. Кризис европейского человечества и философия). Запад – некая совокупность внешних черт и ментальных принципов, определённая жизненная поведка, коллективная манера мыслить и чувствовать, концентрация сущностей и сгусток энергий, исходящих из единого духовно-интеллектуального источника. В русской философии образ «европо-американца» (Георгий Федотов) выстраивался через сложное сочетание неприятия, восхищения, жалости, тёплого русского уважения, презрения, надежды: «величайшая и бесспорно первая во всех отношениях из держав Запада, Англия, не была постигнута до сих пор ни своими, ни иноземными писателями. Везде она является как создание какого-то условного и мёртвого формализма, какой-то душе-убийственной борьбы интересов, какого-то холодного расчёта, подчинения разумного начала шествующему факту, и всё это с примесью народной и особенно личной гордости, слегка смягчённой какими-то полупорочными добродетелями. И действительно, такова Англия в её фактической истории, в её условных учреждениях, в её внешней политике, во всём, чем она гордится и чему завидуют другие народы». (Алексей Хомяков. Мнение иностранцев о России). А вот характеристика англичан от нашего современника: «принятие риска и использование опциональности – замечательная способность добиваться своего рациональным путём проб и ошибок, терпеть неудачи, но не слишком

их стыдиться, начинать всё сначала и вновь терпеть неудачи». (Нассим Талеб. Антихрупкость). Александр Зиновьев в книге «На пути к сверхобществу» так определяет основные западные черты в целом: «Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень (сравнительно с другими народами, конечно). Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчётливость. Конкуренциоспособность. Авантюристичность. Любознательность. Эмоциональная чёрствость. Холодность. Тщеславие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосходства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов».

У нас, русских, всё иначе. В нашем национальном характере заложена тяга к самопринижению, к уступчивости (до поры до времени), склонность видеть прежде всего совершенство другого и собственную низость. «Он вон какой, а ты-то кто? Сиди уж, помалкивай», – редко ли мы слышали такое в детстве? Мы слишком часто готовы подвинуться, чтобы чужому было удобнее, а своему – как получится. Мы бесконечно зависимы от мнения других, и если оно портится, мы, даже если ни в чём не виноваты, готовы «исправляться». Этот вечный комплекс вины в сочетании со склонностью к глубокому самокопанию, с пресловутой русской исповедальностью порой доводит нас до крайности: «Поди на перекрёсток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: „Я убийца!“» (Фёдор Достоевский. Преступление и наказание). Да что там, даже высмеивать, как это показано Лихачёвым и Панченко, мы больше склонны не чьё-то, а своё собственное. Что бы кто ни говорил о разнице между человеком и цивилизацией, они неизбежно зеркалят друг друга, а значит и взаимоотношения людей «конгруэнтны» взаимоотношениям цивилизаций. Во время суворовских походов наша армия сражалась «не за русские, а за европейские интересы» (Николай Данилевский. Россия и Европа), хотя это и было бесполезно: «Чем искреннее и бескорыстнее усваивали мы

себе одну из европейских точек зрения, тем глубже ненавидела нас Европа, никак не хотевшая верить нашей искренности и видевшая глубоко затаённые сластолюбивые планы там, где была только задушевная преданность европейскому легитимизму и консерватизму». Наши национальные черты сделали нас прекрасной мишенью для внешних сил. Наверное, поэтому на фоне спецоперации на Украине западный мир так старательно бьёт именно по всему русскому: культуре, истории, этнической принадлежности. Британские масонские ложи искони настраивали своих участников на вражеских территориях, например, в Германии, на свободу и критику, а внутри страны на патриотизм, который и сейчас там придерживают «для внутреннего пользования». Запад млеет от самого себя, старается присвоить себе всё лучшее, что выработало человечество, и даже оболганным и обобраным народам внушает их ничтожность, несопоставимость с собой. Он прикладывает огромные усилия к тому, чтобы провозглашённые им ценности выглядели как настоящие. «Эти сухие фанфароны, – писал Константин Леонтьев о пленных французах времён Крымской войны 1853–1856 годов, – были тогда победителями и даже в плену были очень развязны, так что по отношению к ним, напротив того, видна была жалкая и презренная сторона русского характера – какое-то желание заявить о своей деликатности, подобострастное и тщеславное желание получить одобрение этой массы самоуверенных куаферов». (О всемирной любви). Наша надувная аристократия веками гнулась перед кичливой западной, как, впрочем, и «интеллигенция», которая «без разбора как огромный и простодушный страус глотает всё: камни, стёкла побитые, обломки медных замков (лишь бы эти стёкла и замки были западной фабрики). – Страус не может понять, что стекло режет желудок и что медь, окислившись, отравит его» (Константин Леонтьев. Православие и католицизм в Польше). За полтора столетия мало что изменилось. «Нашу российскую либеральную интеллигенцию начала XXI века, – продолжает Валентин Катаонов, – можно ещё с большим основанием сравнить с глупыми и всеядными страусами. Чем либеральные страусы питаются сегодня?.. Этот мусор называется «монетаризмом», «экономи-

ческим либерализмом», «эконометрикой», «макроэкономикой», «микроэкономикой», «институционализмом» и прочими несъедобными названиями, перевести которые на русский язык просто невозможно. Уже не приходится говорить, что все эти птицы страдают хроническим космополитическим флюксом». (Православное понимание экономики).

Представим себе комнату с двумя окнами на разные стороны. В одном окне красивый сад: деревья подстрижены, каждый кустик на своём месте. Это заграница. В другом окне тоже сад, может, не такой ухоженный, местами даже дикий, но от этого не менее прекрасный. По каждому из оконных стёкол ползёт муха. Наша проблема в том, что когда мы смотрим на заграничный сад, мы видим его красоту, его ухоженность и удачную освещённость. Когда же смотрим на свой, видим муху. Это настройки нашей личной оптики. Мы с готовностью абсолютизируем, раздуваем до космического масштаба любой, даже несуществующий свой промах. Появится в России что-то хорошее – обязательно надо найти недостаток: «Видите, какой ужас! До чего дошло!» Когда арестовывают коррупционера, одни говорят: «Борются с коррупцией», – другие: «Опять проворовались!» Одни радеют и гордятся, другие как горьковский герой, представляют русский народ «неисчислимой толпой людей огромного роста, несчастных и страшных, как чудовищный нищий Вавилов» (Максим Горький. Жизнь Клим Самгина); хотя если бы Клима посмотрел в зеркало, он тоже увидел бы русский народ. Так и наши «новые» люди с перенастроенными мозгами предпочитают видеть соотечественников во всяких подзаборных пьяницах, как будто заграничные пьяницы исключительно мытые и при галстуках. Как будто болеют за чужую команду, критикуют своё без сострадания, желания исправиться и исправить, а если кто-то хочет сказать в защиту, объявляют прихвостнем властей и мракобесом.

Либерала, не относящего себя к России по истории и крови, хотя бы можно понять: у него есть свой народ, своя система ценностей, ему логичнее предпочитать своё, тем более, если он не прикипел к нашему. Нас же, если и заносит в схему «мы хорошие – они плохие», скорее оттого, что мы слишком устаём пребывать в

другой: «они хорошие – мы плохие». У нас сформировалась целая каста самофашистов, которые бездумно называют всё чужое прекрасным, а своё – «доморощенным», видят только собственное ничтожество и чьё-то величие. Таким людям льстит ощущение причастности к миру «хозяев жизни», для них счастье примазывать к пресловутой загранице. Какой бы ни был у них социальный статус на Родине, они мечтают продаться куда-нибудь туда, пусть и за копейки, хоть бы и мыть унитазы, даже если ради этого придётся оторваться от своего круга, культуры и языка. Людям с подсохшими корнями легче согласиться на роль обслуги. Они рассуждают как лакей Яша из «Вишнёвого сада»: «Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно... вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова. Возьмите меня с собой, будьте так добры!» От них можно запросто услышать, что «там» более высокая культура (хотя какие для этого основания?), что «там» люди честнее (хотя помешанные на деньгах просто обречены быть проходимцами), что «там» ведут себя менее развязно (не попадали, наверное, в толпу пьяных английских болельщиков). Они почитают чужих королей и невменяемых звёзд, свято верят в западную просвещённость и радуются каждой возможности поплевать с её «высоты» на головы остальной части человечества. Русский человек, может, самый духовно свободный на свете, он если герой – так уж герой, но если раб – так уж раб. Раб если вздумает валяться у кого-то в ногах, то до последней степени самоунижения. Раб поверит любой глупости, объявленной хозяином публично. Именно раб легко станет смелым ниспровергателем основ «кровавого режима», если это ничем не грозит. И вот уже его враги – родители, школа, Родина. Через их освистание он будет оправдывать свои собственные неудачи, не понимая, что так он невольно программирует себя на дальнейшие неудачи.

В лихие 90-е нам показалось, что новые «гуманоиды» могут предложить нам нечто особенное. Помню, как на книжных выставках наши соотечественники накидывались на стопки обыч-

ных рекламных буклетов – до того они были нарядные! Но так ли уж близки реальные, неплакатные достоинства Запада к тем рекламным, которые он повсюду так старательно разносит? Никто не даёт анализ продукта на основе его рекламы. Слова «демократия», «капитализм», «плюрализм», «открытое общество» – официальные «свойства» Запада, которые когда-то казались искренне заявленными ценностями, давно уже «превратились в идеологически-пропагандистские фетиши, не столько проясняющие, сколько затемняющие суть дела». (Александр Зиновьев. Запад). Демократия оказалась вульгарным оправданием агрессии, свобода – слабостей и пороков. Этот странный порядок вещей так старательно поддерживается в современном информационном поле, что невольно задаёшься вопросом: не пришло ли время это поле перепахать? Не пора ли стряхнуть с себя пепел пропаганды, перестать принимать пороки за достоинства, а преступления за милые шалости? Не пора ли прекратить свой путь в недозапад, перестать быть полубеременными, немножко святыми, немножко бесноватыми? Прав был Леонтьев, когда предлагал освободиться от вечного русского холопства перед Европой, понять, что мнение европейца, этого «надменного пустозвона», больше не должно определять наши суждения и поступки. Что Запад – не только то, к чему следует стремиться, но и то, чего следует стыдиться. Азия, арабский мир, Латинская Америка, Африка давно избавились от западнических иллюзий. Западная мечта и нам всё больше кажется духовно пустой, хотя и порой соблазнительной, – наши упования другие, и мы другие и счастливы этим. Раньше мы точно знали, что «свет – с Востока», потом почему-то решили, что свет может быть и с Запада. Теперь мы поняли, что нет там никакого света, нечем им делиться. Александр Зиновьев считал, что западоидный тип человека, к сожалению, побеждает, но последние события в мире дают надежду на то, что мы ещё поборемся, и если в их матрицу уже попались наши дети, попробуем вытащить хотя бы внуков. Борхес говорил: «чтобы быть свободным от заблуждения, надо побывать у него в плену» (Поиски Аверроэса). Мы побывали и в который уже раз возвращаемся из плена.

В погоне за научной объективностью мы привыкли отрещиваться от личности мыслящего, однако она никуда не девается – не в субъективности, а в попытке её изъятия можно запросто перемудрить. Чем обобщённее понятие, тем интуитивнее получается его определение. Не только пресловутые «свобода» с «демократией», как перина, набиты коннотациями, но даже такие обобщающие понятия, как «рынок», «социализм», «прибыль», «права человека». В этом смысле они не слишком отличаются от зиновьевских «западнизма» и «человеяника». В тёплых, почти бытовых понятиях хорошего и плохого растворено и предельно человеческое понятие совести, а этический «квадрат» «наши недостатки – наши достоинства – чужие достоинства – чужие недостатки» вполне можно считать предметом социологии. Четыре угла, между которыми мы мечемся век от века. Про нашу любовь к своим недостаткам мы уже сказали. Выявление собственных достоинств, своих духовных «верхов» не так опасно, как кажется либералам, ведь совсем не обязательно кичиться и прощать себе недостатки, можно культивировать достоинства. Важнейшее дело классической русской философии – не столько анализировать, сколько синтезировать, собирать в единый образ своих близких, своих соотечественников, свою цивилизацию. Прославлять Запад особого смысла нет, хотя бы потому, что он прекрасно справляется с этим сам. Планета изнывает под гнётом мировоззренческих установок западного мира, а он всё думает, как бы её ещё улучшить. Какие такие ценности стремились напустить на нас всякие бисмарки, даллесы, и бжезинские, чтобы разрушить, раз уж не получается силой оружия? Достоинства и без того перехваленного западного мира изучены вдоль и поперёк, мы знаем его как добро, но не знаем как зло. Нарисовать критический портрет Запада, воссоздать характерно его духовную стихию и раскрыть его истинные страсти – вот задача, крайне актуальная в эпоху очищения, в эпоху нового самопроизнесения. При этом, конечно, важно не путать защиту от дурного влияния с обычной душевной ленью, истинный патриотизм с завистью и злорадством. Нам достаточно своих страстей и пороков, чтобы цеплять ещё и соседские, если мы не будем от них дистанциро-

ваться, они тоже станут нашими. Критика оправдана, если существует в контексте идеального и имеет положительную цель – праведники размышляли над грехами не для того, чтобы кого-то обидеть, а чтобы победить их в себе. Чёткое понимание того, почему не стоит становиться Западом, что из их мировоззренческого пространства нам хорошо бы не пускать в своё – вопрос гигиены души, неременное условие душевного равновесия и в конечном итоге успеха. По-настоящему успешный человек опирается на положительные образы своего, питается духовно из тех источников, которые именно ему, конкретно и лично, любезно предоставлены Богом.

Глава 1

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ СЛОВА

§ 1. Слово в опасности

Согласно Аристотелю в основе любого публичного выступления должно лежать понятие о благе. Однако с тех давних пор общество не слишком продвинулось на пути к совершенству, а значит, нацеленность на благо так и не стало гарантией эффективности речи – споры по-прежнему сплошь и рядом выигрывают люди непорядочные. От самого этого факта можно прийти в отчаяние, если не попытаться найти выход, пусть не для мира, хотя бы для самого себя. Этот выход существует, мало того, когда-то он был массово очевидным, если, конечно, мы хоть немного представляем себе человека прошлого. Даже сейчас в той или иной степени люди уповают на такой, кажется, спорный источник знания о мире, как откровение души. Ведь уверенно сказанная самому себе фраза: «Я прав» в конечном счёте всё и решает. Или точнее: «Я согласен с самим собой». Привычка спрашивать себя: «Достаточно ли я искренен, точно ли я в данную секунду себе не лгу?» – нормальная духовная практика. Внутренняя гармония предполагает знак равенства между тем, что человек произносит, и тем, что действительно считает правдой. И это не просто «мировоззренческие пристрастия» – люди интуитивно чувствуют, насколько от искренности слова зависит само мироздание. Как будто слово имеет не только значение, но некую духовную функцию, и изменить слову – не просто грешок, а настоящее разрушение мира: если слово в нём больше не обладает великой сакральной силой, то и жить не стоит. Современный человек с любопытством и даже недоумением слушает рассказы о том, как трепетно относились люди прошлого к слову. Чтобы сдержать

клятву, средневековые рыцари из дошедших до нас романов готовы были расстаться с жизнью. Причём было не важно, узнает ли хоть кто-нибудь, ради чего герой погиб: слово должно работать честно, это условие чистоты души. Наши предки предпочитали обращаться за советами, как дальше жить, не в суды, а к священникам, монахам и старцам. Последние понимали, что любое произнесённое слово таит в себе опасность лжи, а значит, преступления против главного смысла, против Бога. Они принимали обет молчания, приветствовали мученическую смерть, только бы не отречься от веры даже «на словах». Как к святые относились к слову великие поэты. Крепкое купеческое слово в России ценилось выше законов и контрактов, да и сейчас мы не совсем ещё отошли от этого принципа.

Что мы имеем в виду, когда говорим, что сакральная сила слова может иссякнуть? Торговля, дипломатия, судебные процедуры, да и просто управление в наше время окончательно потеряли интерес к соображениям духовного свойства. Речь в них строится по другим законам, и цель специфическая – не столько добиться блага, сколько победить. В этих важнейших ныне областях человеческого существования вырабатываются сначала свои приоритеты, потом речевые стили и наконец разветвлённые системы ловушек и риторических уловок, всевозможные хитрые способы «завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Неискренность уже не только не осуждается, наоборот, в атмосфере конкуренции, борьбы всех со всеми является условием профессионального роста. Засорение читательского сознания репетировали долго, на лучших факультетах, для этого получают специальное образование, проходят курсы и тренинги по «пиару», «коучингу» или «сторителлингу». Мы стали массово изучать то, что когда-то называли «софистическими опровержениями» или попросту уловками. Но что ещё важнее – мы начали активнее использовать их в быту, сильнее ими заражаться. Искреннее слово постепенно стало казаться делом праздным, мало полезным и некомфортным, чем-то вроде собирания марок – хобби для бездельников. А жаркий самоотверженный спор «во имя истины» – вообще чем-то неприличным. «Да стоит ли вообще стремиться к

истине? – проворчит современный «продвинутый» человек. – Кто сказал и в каком парламенте узаконил, что утверждение должно совпадать с истиной, что их нельзя друг от друга отделять? Романтично, конечно, но совсем не практично». И действительно, у современного человека есть дела поважнее.

Как рассматривать слово в этой бесконечной интеллектуальной суматохе? Можно как забаву, способ расслабления, – вот оно уже стремится к тому, чтобы как можно меньше раздражать, задевать ранимые умственные рецепторы. Или как служебное приспособление – говори то, что принято думать в твоём кругу, исходи не из уверенности, что ты прав, а из целесообразности. Не стоит особо рефлексировать, возьми первое попавшееся с доступного склада готовой продукции и пользуй по назначению. Это как на работе: говоришь о корпорации – исходи из интересов корпорации, говоришь о продаваемом товаре – верь в товар. Вы спросите, как можно верить в товар? Да просто поставьте вопрос иначе: не как, а зачем. Вместо честного созерцания мира разуму просто надо отправиться за покупками.

Когда всё подчиняется частным прагматическим интересам, то и слово становится инструментом для достижения цели, а не истины. То есть истина сминается целью. И тогда уже не важно, что мы доказываем, важно, чтобы это было доказано. И уже не существует обязательной связи между тем, что мы говорим, и тем, что есть на самом деле, или хотя бы тем, что искренне кажется. Истину больше не жалко, её запросто можно переформатировать, подsunуть заведомую ложь. Сокращение пути от слова до цели, минуя истину, это как если бы мы ехали на важную деловую встречу на танке, прорываясь через тротуар и детскую площадку, ломая деревья, сбивая людей, лишь бы только успеть. «Он не плохой человек, – заступится сторонник идеи успеха, – просто очень торопится, вот и сметает всё на своём пути». «А это не одно и то же?» – такой смешной вопрос вряд ли будет услышан служителями прибыли. Ведь они из поколения в поколение приучаются к мысли, что на пути к материальной победе можно жертвовать всем на свете, уж тем более какой-то там истиной.

§ 2. Вольница смыслов

И в стародавние времена мы имели разнонаправленную систему ценностей: если правда одно, противоположное ему тоже может быть правдой, если «без труда не выловить рыбку из пруда», – ничего страшного, «работа не волк, в лес не убежит». Однако ключевые жизненные понятия сохраняли свою однозначную трактовку: Русь всегда матушка, Соловей-Разбойник – враг, а печка – «чудесный спаситель». Если не всегда цельную, то по крайней мере стройную картину мира давали особые люди – калики и гусяры. Потом появились священники, и люди стали сверять свои жизненные ориентиры с Преданием и Писанием. Более светскому сознанию мировоззренческие опоры обеспечивала академическая манера отбора: захотел получить достоверные сведения – пошёл в библиотеку, обратился к авторитетным мнениям, вник в полемику с альтернативными источниками и получил итог. Профессиональный уровень текстов обеспечивал сам факт наличия книг, ведь печатать дорого, значит, принимать решения должен кто-то компетентный. Стараниями высокопоставленных советчиков иные книги годами изнывали без встречи с читателями. Их могли не выпускать в свет по идеологическим соображениям или по причинам субъективным, но могли и по соображениям принципиальным: это недостоверно, это неглубоко, это просто бездарно. Работала экспертная среда, и чем она была профессиональнее, тем качественнее отбор, а следовательно, выше уровень культуры. Сейчас островки компетентности ещё сохраняются: кто-то старается, проверяет свою информацию, выстраивает систему доказательств, исходит из понятия авторства, в общем, как-то хлопочет, но это всё чаще «по старой памяти», приветы из прошлого.

Пока добросовестные авторы ищут издателей, книга, особенно научная, может и устареть. Интернет-среда наоборот, настолько динамична, что высказывание в ней может запросто опередить и саму мысль: идея ещё не оформилась, а уже сформулирована и пошла по рукам. По нашему бескрайнему электронному инфополю можно скакать любой походкой и в любую сторону. Здесь

больше нет авторитетов и прочих ограничений, как и реальных способов оценки, разве что популярность, кликабельность, но она уж точно не обеспечивает ни правды, ни уровня. Истиной может быть названо всё, что угодно. Сколько, к примеру, в интернете роликов, доказывающих придуманные физические законы, просто так, «по приколу»? Ещё в первые годы существования интернета студенты за копейки писали биографии разных исторических личностей; работа сдельная, качество не важно, не надо ссылаться на источники информации, не надо перепроверять, лепи что угодно, только быстро. Да автору и самому побыстрее хочется, какие-никакие гонорары. Выдуманному автору и аргументы, и факты подходят выдуманные, прямо по Аристотелю: не важно, правдивы ли они, главное, чтобы были правдоподобными.

Интернет содержит бесконечный набор противоречащих друг другу мнений. Обильная информация о пользе чего бы то ни было легко перекроется информацией о вреде. Один считает так, другой иначе, любые данные можно перетрактовать и перевернуть, всё можно повернуть в любую сторону. «Ум его забрёл в лабиринты двоемыслия. Зная, не зная; верить в свою правдивость, излагая обдуманную ложь; придерживаться одновременно двух противоположных мнений, понимая, что одно исключает другое, и быть убеждённым в обоих; логикой убивать логику; отвергать мораль, провозглашая её... сознательно преодолевать сознание и при этом не сознавать, что занимаешься самогипнозом». (Джордж Оруэлл. 1984). Если ты публичен и работаешь в соцсетях, Боже тебя упаси докапываться до сути, иди по пути взвешенности, можешь не трудиться даже над выработкой позиции, а просто выбирай, что больше подходит окружающим и последовательно дуй в однажды выбранную дуду. Поле ожидания будет создано, а значит, и подписчики с определёнными ожиданиями будут прибывать. Человек одной идеи всегда найдёт в интернете для неё надёжную поддержку, отыщет и аргументы за то, что он прав, и убеждённых единомышленников. Бог? Пожалуйста. Дьявол? Да ради Бога! Ну разве кроме полной бессмыслицы, например, что майские жуки умнее людей. Хотя... Муравьи же, по-

лучается, умнее. Главное – как с этим работать, как умудриться завлечь и развлечь. Всемирная сеть даёт нам возможность легко убедиться в чём угодно. С одной стороны это открывает большие возможности для выстраивания своей личной картины мира, – но только если мы не потеряли такую способность, если готовы перерабатывать тонны информации, а не мечтаем о наборе знаков дорожного движения с конкретной приятной для глаза окраской. Интернет даёт повод сделать глубокий расслабляющий выдох релятивиста: пусть целой картины нет, зато есть отдельные любопытные факты. Когда информации столько – это как если бы её не было совсем. Нечего и рыпаться.

В наше время мы получаем знания быстрее, чем в любой библиотеке, но от этого же всё меньше вникаем в суть. Социальные сети так устроены, что мышление здесь вытесняется чем-то более выразительным. Зачем утомлять аудиторию излишними рефлексиями, автор здесь больше шоу-мен, то есть человек-образ, оформление, скорлупа. Вот осуждение, например, критика всего на свете; как точно заметил Мережковский, критик всегда прав, потому что каждый человек во всём грешен. Поистине лёгкий путь добыть себе харизму в глазах окружающих: критикуешь за глупость – значит, наверняка умён, критикуешь за воровство – значит, честен. Нападая на другого, мы забираем его достоинства. Достаточно грамотно оболгать – и можно больше не погружаться в разбор реальных поступков и их мотивов. Репутация становится невесомой: самого честного и искреннего политика, если он задел чьи-то интересы, можно запросто превратить в изувера. Но и в ответ можно понакидать что угодно. Любой режим можно доказательно описать как кровавый, если гражданам хочется самоутвердиться, а конкурентам, к примеру, выкачать нефть. Мозг устанет, воля к расследованию пропадёт, и пользователь скажет: «Ну и ладно, всё равно ничего не поймёшь, до правды не докопаешься». Этот тип чудовище, вор, эксплуататор? Зато, говорят, он кошечек любит. Всё не важно, ничто не имеет окончательного значения, так что и сопротивляться бесполезно. Вот как рассуждал по этому поводу Жан Бодрийяр: «власть в течение долгого времени довольствовалась лишь тем, что производила смысл

(политический, идеологический, культурный, сексуальный); спрос же развивался сам – он вбирал в себя предложение и тут же ожидал нового. Смысла не доставало, и всем революционерам приходилось приносить себя в жертву наращиванию его производства. Сейчас дело обстоит иначе: смысл повсюду, его производят все больше и больше, и не хватает уже не предложения, а как раз спроса. Производство спроса на смысл – вот главная проблема системы. Без этого спроса, без этой восприимчивости, без этой минимальной причастности смыслу власть оказывается не более чем простым симулякром, всего лишь эффектом пространственной перспективы. Однако и в данном случае второе производство – производство спроса на смысл – гораздо дороже, чем производство первое – то есть производство самого смысла. И в конце концов производство спроса на смысл станет неосуществимым – энергии системы на него больше не хватит. Спрос на предметы и услуги, пусть и дорогой ценой, всегда может быть создан искусственно: у системы есть соответствующий опыт. Но потребность в смысле, но желание реальности, однажды исчезнув, восстановлению уже не поддаются. Для системы это катастрофа». (В тени молчаливого большинства, или Конец социального). Результатом эффективной работы по демократизации знаний ради счастья народов стало интеллектуальное безволие и размагниченность ошастливленных.

§ 3. Свобода и манипуляция

«Цель буржуазного общества состоит в том, чтобы все формы общественного сознания – идеология, мораль, религия и т. д. – обеспечивали правящему классу возможность управления массовым сознанием», – пишет Олег Феофанов в книге «Агрессия лжи». Иногда поражаешься, насколько это «управление» захватило действительно все области человеческого бытия. Вот система сертифицирования и лицензирования. На Западе всё лицензируется, на большую часть платной деятельности, вплоть до психологических услуг, остеопатии, непременно нужны лицензии. Казалось бы, что тут плохого – это же защита от всякого рода

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru